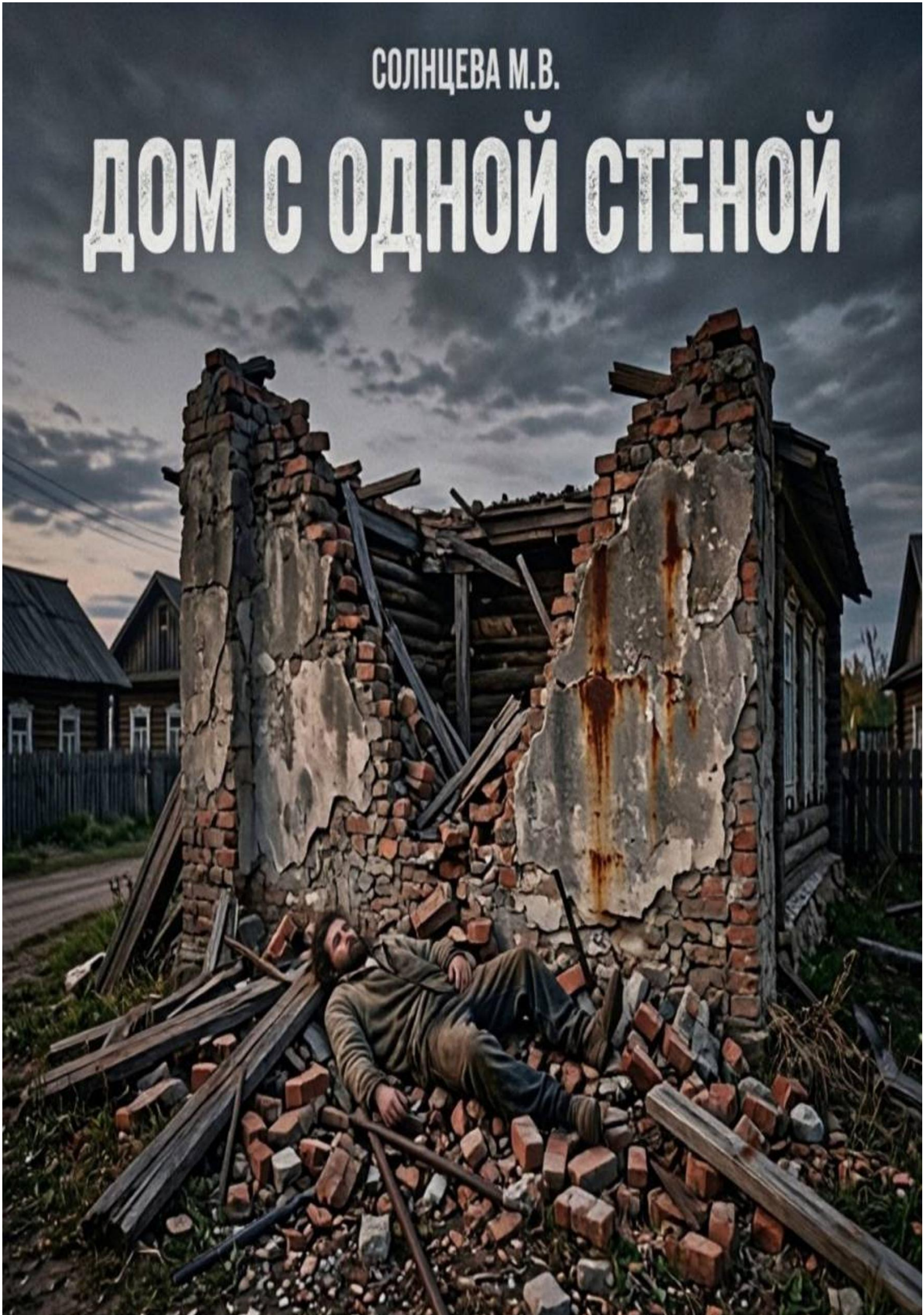
СОЛНЦЕВА М.В.

ДОМ С ОДНОЙ СТЕНОЙ



Маргарита Солнцева

Дом с одной стеной

«Автор»
2026

Солнцева М. В.

Дом с одной стеной / М. В. Солнцева — «Автор», 2026

В деревне обрушилась стена старого дома — и под кирпичом нашли кузнеца, который двенадцать лет считался уехавшим в город. Все эти годы его дом стоял заколоченным, а его деньги понемногу тратил человек, который единственный знал, что кузнец никуда не уезжал.

© Солнцева М. В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Сюжет 5
Глава первая. Стена 6
Глава вторая. Кружок на девять человек 13
Конец ознакомительного фрагмента. 19

Маргарита Солнцева
Дом с одной стеной

Сюжет

В деревне обрушилась стена старого дома — и под кирпичом нашли кузнеца, который двенадцать лет считался уехавшим в город. Все эти годы его дом стоял заколоченным, а его деньги понемногу тратил человек, который единственный знал, что кузнец никуда не уезжал.

Главные герои: Соня Тюрина, двадцать четыре, учительница, приехала в августе, ведёт школьный краеведческий кружок и пишет «летопись деревни»; Устин Гаврилов, шестьдесят четыре, кузнец, двенадцать лет числился уехавшим; Николай Гаврилов, тридцать один, племянник, работает в райцентре на пилораме, приезжает «по хозяйству»; баба Нюра, восемьдесят два, помнит всё, но путает годы; участковый Кузьмич; дочь кузнеца Лида, живущая в городе и двенадцать лет не приезжавшая.

Глава первая. Стена

Стена обрушилась в ночь на четырнадцатое октября, и в деревне это услышали трое: баба Нюра, у которой окна на тот конец, сторож магазина дядя Паша и Соня, потому что она в ту ночь проверяла тетради и сидела до двух.

Звук был не как от грома. Гром в Ожогине бывает раз в год и всегда с дождём, и после него пахнет мокрой пылью. А этот звук был длинный и шершавый, как будто кто-то высыпал из кузова кирпич на кирпич, и в конце — один удар, короткий, от которого в Сонином доме звякнула кружка на столе.

Кружка была бабы-Нюрина, глиняная, с отбитой ручкой. Соня её не мыла с августа, потому что в ней стояли ручки и карандаши.

Она вышла на крыльцо. Ночь была сухая, звёздная, и в конце улицы, там, где кончались дворы и начинался спуск к Ожоге, стояла пыль — не туман, а именно пыль, тяжёлая, она не поднималась, а висела низко, как будто легла на землю и не хотела вставать.

Соня постояла, послушала. Было тихо. Потом где-то за магазином стукнула дверь — это дядя Паша вышел с фонариком, и фонарик у него был слабый, жёлтый, и луч не доставал до конца улицы.

Она вернулась в дом, дописала в тетради «молодцы» и легла.

Утром все пошли смотреть.

В Ожогине двадцать восемь дворов, и в шесть утра из них открываются сорок восемь ворот — потому что в некоторых дворах по две створки, а в некоторых уже никого нет, и створки открывает ветер. Но в то утро ворота открылись все до единых, и к семи на краю улицы стояло человек тридцать, а к восьми — сорок.

Дом кузнеца стоял на самом краю, последний, за ним сразу начинался спуск к речке, и стена, которая обрушилась, была та самая, единственная кирпичная. Три ряда кладки внизу, а дальше доски. Кирпич был старый, красный, с белыми потёками, и он лежал наружу, кучей, занимая половину двора.

В куче было что-то не то.

Соня не сразу поняла. Она стояла с краю, с учительской сумкой через плечо, и думала о том, что надо бы сделать фотографию для летописи, потому что дом старый и его теперь не будет, и что фотографию надо сделать до того, как приедет техника.

Потом мужчина из райцентра, который приехал на своей «Ниве» за чем-то другим и остался, сказал:

— Тут рука.

Сначала все замолчали. Молчали долго, секунд десять, и за эти десять секунд Соня успела подумать, что это шутка, потом, что это не шутка, потом, что надо отойти, но не отошла.

Потом баба Нюра сказала:

— Устин.

И это было самое страшное, потому что баба Нюра сказала это не как «ой», а как «ну вот». Как говорят, когда ждали и дождались.

— Нюра, — сказал ей кто-то из-за спин, — ты что, ты чего.

— Устин, — повторила баба Нюра и села прямо на траву, где стояла.

Приехали полиция, скорая, потом ещё полиция, потом человек с сумкой, который долго ходил вокруг и что-то писал. Скорая уехала через двадцать минут — ей тут было нечего делать, и все это поняли по тому, как быстро она уехала.

Кузнеца достали к вечеру. Лежал он у самой наковальни, в кузне, в двух шагах от горна, и по всему было видно, что лежит он там давно: не месяц и не год. Кирпич, который на него упал,

лежал сверху и вокруг, и человек с сумкой велел снимать его по одному и каждый откладывать отдельно, и кирпичи складывали в ряд на траве, как дрова.

Соня стояла до темноты. Она потом не могла вспомнить, что ела в тот день. Она помнила только, как кирпичи кладут в ряд — красный, красный, красный, белый, красный — и как вечером на них села роса.

Участковый Кузьмич стоял у крыльца и говорил всем, кто подходил:

— Ничего не трогаем. Разберутся.

— Кузьмич, — спросила Соня, — а как же он двенадцать лет?

— Что двенадцать лет?

— Считался уехавшим.

Кузьмич посмотрел на неё так, как смотрят на приезжих, которые задают вопросы не по чину. Он был в форме, которая была ему велика в плечах и коротка в рукавах, и он всё время одёргивал её вниз, хотя она не поддавалась.

— Так написано, что уехал, — сказал он. — Значит, уехал.

— А он не уехал.

— Это теперь так кажется, — сказал Кузьмич. — А тогда было написано.

Соня хотела спросить, кем написано, но в это время к дому подъехала машина.

Николай приехал в шесть, на своём «Патриоте», серо-зелёном, с наклейкой на заднем стекле — рыбка и надпись «Ты со мной». Увидев людей у дома, он остановился, не доехав метров тридцати, и сидел в машине, наверное, минуту. Соня видела через стекло, как он держит руль двумя руками и смотрит вперёд.

Потом он вышел, поправил куртку, пошёл и, подойдя к толпе, снял шапку. Шапка была вязаная, чёрная, и он держал её в руке, как держат на похоронах.

— Дядя Устин? — сказал он.

— Он, — сказали в толпе.

Николай стоял и смотрел на кучу кирпича, и лицо у него было не испуганное, а растерянное, как у человека, который вышел из дома и увидел, что его машину увезли на эвакуаторе.

— Как это? — сказал он. — Он же в городе.

Никто ему не ответил. Кто-то в толпе сказал: «Вот и мы говорим», и Николай кивнул, как будто это был ответ.

Он подходил к Кузьмичу, о чём-то говорил с ним тихо, и Кузьмич дважды сказал: «Не положено», а потом всё-таки пустил его за ограждение, и Николай постоял у стены, нагнулся, взял кирпич в руки, посмотрел на него и положил обратно.

— Не трогайте, — сказал человек с сумкой.

— Я не трогаю, — сказал Николай, — я смотрю.

К вечеру деревня знала всё, что можно было знать, и это было очень мало.

Знала, что кузнец лежит в кузне у наковальни, на левом боку, и что голова у него проломлена. Знала, что удар был один. Знала, что на нём был ватник, тот самый, с заплаткой на локте, в котором он ходил всегда, даже в июле. Знала, что в кармане у него была связка ключей и две монеты по десять рублей, и это почему-то запомнилось всем лучше всего — две монеты по десять рублей.

— Две монеты, — говорила на следующий день продавщица, — две монеты у человека. Значит, не грабили.

— Значит, не грабили, — соглашались с ней.

Соня шла домой по улице и слышала, как в каждом дворе обсуждают одно и то же, и как в каждом дворе это «одно и то же» звучит чуть иначе. У Масловых — «нашли, наконец». У Гусевых — «двенадцать лет лежал». У Сизовых — «а дом-то продавали, значит, кто-то знал».

Последнее Соня запомнила.

Дома её ждала баба Нюра. Баба Нюра жила через два двора, и с августа, с того дня, как Соня приехала и не смогла найти в магазине ничего, кроме макарон и рыбных консервов, баба Нюра стала приносить ей еду. Сначала творог в банке, потом варенье, потом варёную картошку с луком. Соня говорила: «Нюра Петровна, мне неудобно», а баба Нюра говорила: «Ешь», и это было всё.

Сейчас баба Нюра сидела на кухне, на табуретке, и держала в руках свою палку.

— Я его в двенадцатом году видела, — сказала она.

— Кого?

— Устина. Он у речки стоял, воду в сапог набирал. Я говорю: ты что, Устин, утонуть хочешь? А он говорит: я за тобой в очередь, Нюра.

Соня села напротив.

— Нюра Петровна, вы сказали утром «Устин». Сразу сказали.

— Сказала.

— Почему?

Баба Нюра подумала. У неё было такое лицо, когда она думала, как будто она перебирает в голове карточки и не все они лежат лицевой стороной.

— Потому что он в нашем краю, — сказала она. — Кто в нашем краю помер, того в нашем краю и хоронят. Тут никого не увозили. Тут только земля на кладбище.

— Но вы же не могли знать.

— А я и не знала. Я почуяла.

— Нюра Петровна.

— Ты молодая, — сказала баба Нюра без обиды. — Ты думаешь, если не знаешь, то и не почуешь. А оно наоборот бывает.

Она встала, опираясь на палку, и Соня заметила, что палка у неё внизу, где она касается пола, стёрта с одной стороны — значит, баба Нюра давно ходит с ней по этой кухне, тратя её на круг.

— Ты его не знала, — сказала баба Нюра в дверях.

— Не знала. Я в августе приехала.

— Ну вот. А я его крестила.

Она ушла. Соня осталась сидеть на кухне, и в окне был виден конец улицы, и там, на краю, горел свет — у дома кузнеца оставили освещение, и человек с сумкой всё ходил.

Сонина жизнь в Ожогине началась первого августа, и до четырнадцатого октября была очень простая.

Она вела русский и литературу в школе, где училось девять человек — пять в среднем звене и четыре в начальном, — и отдельно вела краеведческий кружок, на который ходило трое, а иногда пятеро, если считать тех, кто приходил погреться.

Ещё она писала летопись деревни. Это придумала не она. Это придумала Раиса Петровна, директор школы, которая в июне, принимая Соню, сказала:

— Ты будешь вести краеведение. У нас есть данные, что Ожогино старше, чем райцентр. И нам нужен человек, который это запишет.

Соня спросила, где данные. Раиса Петровна сказала, что данные в церковных книгах, а церковные книги в районе, и что туда надо съездить, но пока нет денег на бензин.

Поэтому Соня писала так: ходила по дворам и записывала, что говорят. В школе был старый принтер, и она печатала на нём по одному экземпляру, и экземпляры складывала в папку «Летопись: 2026».

В папке было уже двадцать две записи. Все начинались одинаково: «Со слов» и потом фамилия.

И там, в этих записях, Ожогино было хорошим местом. Там были утоки, которые в войну вязали сети, был дом, в котором жил учитель, убитый в девятнадцатом году, была речка, в

которой до шестидесятых ловились раки размером с ладонь. Про кузницу было только одно предложение, и записала его не Соня, а девочка из кружка, Ксюша, потому что Соня тогда не успела: «Кузница работала до четырнадцатого года, потом кузнец уехал к дочери».

Дмитрий не приехал в октябре.

Они договорились ещё в июле: он приедет четвёртого октября, в субботу, на своей «Гранте», посмотрит, как она тут живёт, и они решат. Что решат — не говорилось, но оба знали: к весне Соня должна вернуться в город, и для этого надо что-то сделать с распределением, с работой и с её упрямством.

Четвёртого октября он позвонил в девять утра и сказал, что у него на работе аврал.

— На сколько аврал? — спросила Соня.

— На неделю, — сказал он. — Ну, может, две.

— Дим.

— Сонь, я правда не могу.

Она сказала «ладно». Он сказал «ты не обижайся». Она сказала «я не обижаюсь».

После этого они разговаривали ещё три раза, все три раза коротко, и в последний раз он сказал:

— Ты там как, не замерзла?

— Нет, — сказала она. — У меня печка.

— Ну хорошо, — сказал он. — Печка — это хорошо.

Соня положила телефон и посмотрела на печку. Печка была хорошая, кирпичная, на две комнаты, и топила она её дважды в сутки, и это было единственное, что в её жизни в Ожогине работало без её участия.

Сейчас, в ночь на четырнадцатое, она сидела с тетрадями и думала не о Дмитрии. Она думала о том, что завтра надо написать в район и попросить денег на поездку в церковные книги, и что денег не дадут, потому что в прошлом году не дали на шторы.

Кружка звякнула в двадцать пять минут второго.

Соня посмотрела на часы — они висели на стене, механические, с маятником, и в тишине было слышно, как маятник идёт. Двадцать пять минут второго. Потом она посмотрела в окно.

Свет в конце улицы был. Не фонарь — фонарь в Ожогине один, у магазина, и он горел всегда, потому что его забыли отключить от общей линии. Этот свет был другой: слабый, жёлтый, и он двигался.

Соня подумала: дядя Паша обходит. Сторож магазина каждую ночь обходил деревню с фонариком, потому что боялся воров и потому что ему было скучно.

Она села обратно и дописала ещё две тетради.

Утром, когда все стояли у дома кузнеца и мужчина из райцентра сказал «тут рука», Соня не думала про свет в конце улицы. Она вспомнила про него только к вечеру, когда вернулась домой и села на кровать, не сняв куртку.

Свет в конце улицы. Четверть второго. Дом кузнеца — на краю.

Она достала летопись и на чистом листе написала:

«14 октября. Ночью, в 1.25, слышала звук — как высыпали кирпич. В 1.25 видела свет в конце улицы».

Потом посмотрела на написанное и перечеркнула «видела свет». Написала:

«В 1.25 видела, что в конце улицы горит свет и двигается».

Потом перечеркнула и это, потому что в летописи не должно быть того, чего она не знает.

Она оставила только про звук.

Следователь приехала на третий день, шестнадцатого, и Соня её сначала приняла за врача.

Женщина была в куртке без погон, в сапогах, с сумкой на плече, и у неё было такое лицо, как будто она не спала двое суток и уже привыкла к этому. Она вышла из машины, посмотрела на дом, на кучу кирпича, на траву, потом на Соню, которая стояла у калитки, и сказала:

— Вы кто?

— Тюрина. Учительница.

— Юлия Андреевна Бортник, — сказала женщина. — Следственный комитет. Вы что-то видели?

— Я слышала, — сказала Соня.

Бортник остановилась.

— Слышали что?

— Звук. В двадцать пять минут второго ночи, с тринадцатого на четырнадцатое. Как высыпали кирпич. И один удар в конце.

— Откуда вы знаете время?

— У меня часы с маятником. Они бьют.

— Бьют?

— Нет, — сказала Соня. — Не бьют. Они тикают так, что я в них смотрю, когда не спится. Я посмотрела в двадцать пять минут второго.

Бортник смотрела на неё долго, и Соня видела, как в её голове что-то перекладывается.

— Пойдёмте, — сказала она. — Покажете часы.

Они зашли в дом. Часы висели на стене, маятник шёл, и Бортник посмотрела на них, потом на Соню, потом достала телефон и сфотографировала часы, и это было странно — фотографировать часы.

— Вы понимаете, что это значит? — спросила она.

— Что стена упала в двадцать пять минут второго, — сказала Соня.

— Что стена упала в двадцать пять минут второго, — повторила Бортник. — А в протоколе осмотра написано, что обвал был «предположительно в ночное время». Ночное время — это двенадцать часов. Вы мне сузили его до минуты.

Она села на табуретку, не спросив разрешения, и Соня поняла, что она не такая, как Кузьмич.

— Юлия Андреевна, — сказала Соня. — Я могу спросить?

— Можете. Не факт, что отвечу.

— Он лежал там двенадцать лет?

Бортник помолчала.

— По предварительным данным — да. Двенадцать лет, плюс-минус месяц.

— И его никто не искал.

— Его искали, — сказала Бортник. — Один раз. В четырнадцатом году. И нашли, что он уехал.

— Как нашли?

— По заявлению, — сказала Бортник. — Есть материал. Я его видела сегодня утром, он тонкий, как школьная тетрадь. Там три листа.

— И что в них?

— А вот это вы мне не рассказывайте, — сказала Бортник. — Это вы мне скажете, что в них, когда я сама прочитаю.

Она ушла к дому, и Соня осталась стоять в сенях.

Через полчаса Соня всё-таки пошла туда.

У калитки стоял Витя Маслов, внук Петра Ильича, ему было двенадцать, и он был в куртке с чужого плеча и в резиновых сапогах на два размера больше. Он смотрел в щель между досками.

— Вить, — сказала Соня. — Тебя туда не пустят.

— А я и не лезу, — сказал Витя. — Я смотрю.

— Что видно?

— Наковальня, — сказал Витя. — У неё рог отбит.

Соня присела и посмотрела в щель.

Кузня была пристройкой к дому, и в ней не было пола — просто земля, утоптанная до каменной твёрдости. Наковальня стояла на пне, и у неё правда был отбит рог. Рядом — верстак, на верстаке — молотки, и все они лежали в ряд, по размеру, от большого к маленькому, как ложки в ящике.

Соня смотрела на это и думала о том, что человек, который двенадцать лет лежал в двух шагах от своего верстака, был аккуратным.

— А дверь, — сказал Витя, — была открыта.

— Какая дверь?

— В кузню. Когда утром пришли. Она была открыта.

— Витя, откуда ты знаешь?

— Я первый пришёл, — сказал Витя. — Я в шесть встаю, скотину кормить. Я пришёл, а дверь открыта.

— И ты туда зашёл?

Витя помолчал.

— Я в дверь посмотрел, — сказал он. — И всё видно было. Кирпич лежал внутри, аж до верстака.

— Кирпич лежал внутри, — повторила Соня.

— Ну да. Стена наружу упала, а кирпич внутри тоже был. Я потом думал: как это?

Соня тоже подумала: как это.

Она вернулась домой и весь вечер просидела над летописью, но так ничего и не записала. Писать про кирпич внутри было нельзя: она не знала, что это значит, а писать в летопись то, чего она не знает, было против её собственного правила, которое она придумала в августе и с тех пор соблюдала.

Правило было такое: в летопись идёт только то, что сказано, и обязательно с именем того, кто сказал.

Витя Маслов сказал. Значит, можно.

Она записала: «Со слов Вити Маслова, 12 лет: утром 14 октября дверь в кузню была открыта, кирпич лежал внутри кузни до верстака».

Записала и посмотрела на эту строчку и подумала, что в летописи двадцать восемь дворов, и в этой летописи пока нет ни одного человека, который бы врал.

Потом Соня встала и пошла к магазину.

Магазин в Ожогине на два окна, и в нём продаётся всё, что может понадобиться человеку, который никуда не едет: хлеб, крупа, водка, гвозди, мыло, конфеты «Ромашка» и мороженое в морозилке, которая работает через раз. Продавщица Зина знает про деревню всё, потому что через неё проходит каждая покупка, а покупка — это самый честный документ.

Соня купила хлеб и спросила:

— Зин, а кузнец когда уехал?

— В четырнадцатом, — сказала Зина, не задумываясь. — В октябре. Он тогда как раз мне долг отдал, триста рублей. Я говорю: Устин, ты куда собрался? А он говорит: к дочке.

— И вы поверили?

Зина посмотрела на неё.

— А чего не верить? — сказала она. — Он сказал, и всё.

— А вещи?

— Какие вещи?

— Ну, если человек уехал к дочери, он же вещи забрал.

Зина подумала.

— Вещей не было, — сказала она. — Я потом думала: странно. Но тут так бывает. У нас Сизов в двадцатом уехал в город и ничего не взял, даже собаку оставил. Собака потом к нам ходила, я ей кости давала.

Соня вышла из магазина с хлебом под мышкой.

На улице было уже темно, и в конце улицы, там, где дом кузнеца, горел свет — опять оставили освещение, и опять кто-то ходил с фонариком.

Соня стояла и смотрела на этот свет, и в голове у неё было две вещи, которые она не знала, куда положить.

Первая: кирпич лежал внутри, а стена упала наружу.

Вторая: человек уехал к дочери и не взял ничего, даже денег — потому что у него в кармане нашли две монеты по десять рублей.

Глава вторая. Кружок на девять человек

В школе Ожогина было девять учеников, три учителя и один принтер.

Принтер стоял в кабинете у Раисы Петровны, и он был старый, серый, с лотком, который надо было придерживать рукой, иначе он падал. Раиса Петровна говорила, что принтер казённый и что на нём нельзя печатать ничего личного. Соня печатала на нём летопись, и это было не личное, потому что летопись была программой кружка.

Кружок назывался «Моё село». Соня придумала это название за десять минут до первого занятия и потом жалела, потому что дети называли его «Мосель» и хихикали.

Ходило трое: Ксюша Сизова, четырнадцати лет, серьёзная, с двумя косами, которая собиралась быть ветеринаром; Витя Маслов, двенадцати лет, который ходил, потому что после кружка давали чай с печеньем; и Саша Гусев, одиннадцати лет, который не говорил ни слова, но приходил каждую неделю и рисовал.

Иногда приходили ещё двое — из тех, кому просто было холодно дома.

В понедельник, девятнадцатого октября, кружок был первый после обвала, и Соня не знала, что говорить.

Она пришла в кабинет пораньше, поставила чайник и разложила на столе листы — те самые двадцать две записи летописи, которые уже были напечатаны. Она думала, что начнёт с них: прочитаем, что у нас есть, и решим, что дальше.

Но дети пришли и сели, и Ксюша сразу сказала:

— Софья Дмитриевна, а мы про кузнеца будем?

— Про кузнеца?

— Ну, он же наш. Он же здесь всю жизнь.

Соня села напротив.

— Ксюш, а что ты про него знаешь?

— Что он кузнец, — сказала Ксюша. — Что он лошадей ковал. Ну, раньше. У нас же были лошади. У бабы Нюры был конь, звали Малыш, я не помню, мне рассказывали.

— У нас до девяносто восьмого было двенадцать лошадей, — сказал Витя. — Я в летописи читал.

— В какой летописи?

— В вашей, — сказал Витя. — Вы напечатали, а Раиса Петровна нам раздала. Там написано: «до 1998 года в Ожогине содержалось двенадцать голов».

Соня смотрела на него и думала, что летопись, оказывается, уже работает.

— Хорошо, — сказала она. — Про кузнеца будем. Но сначала я хочу вас спросить одну вещь.

Она помолчала, чтобы они настроились.

— Вы знали, что он в доме?

Тишина была недолгой, но она была.

— Я не знал, — сказал Витя.

— А я знала, — сказала Ксюша.

— Ксюша.

— Не так, — сказала она быстро. — Я не то говорю. Я знала, что там что-то есть. Мы туда не ходили.

— Почему?

Ксюша пожала плечами.

— Мамка говорила: не ходи к Гавриловым, там дверь заколочена, ещё упадёт чего.

— А ещё что говорили?

— Что дом продаётся, — сказал Витя. — Дед говорил: Николай продаёт.

— А Николай — это кто?

— Племянник, — сказал Витя. — Он на пилораме работает, в райцентре. Он к нам приезжает, у него «Патриот» зелёный.

— И что он тут делает, когда приезжает?

Витя задумался.

— Траву косит, — сказал он. — И в дом заходит. У него ключ есть.

Соня это записала. Потом посмотрела на Сашу Гусева, который сидел в углу и рисовал.

— Саш, а ты что рисуешь?

Саша поднял лист.

На листе был дом — просто дом, квадрат и треугольник, — а рядом стояла маленькая фигурка с молотком в руке, и молоток был нарисован крупно, больше фигурки.

— Это кузнец? — спросила Соня.

Саша кивнул.

— А что он делает?

— Стучит, — сказал Саша. Это было первое слово, которое он сказал на кружке за два месяца.

Чайник вскипел, и Соня разлила чай, и печенье было то самое, «Ромашка», которое в магазине продавалось по тридцать восемь рублей.

— Ладно, — сказала она. — Давайте так. Мы будем писать про кузницу. Не про то, что случилось, а про то, как она работала. Кто может узнать?

— Я могу, — сказала Ксюша. — У меня бабушка помнит.

— У меня баба Нюра помнит, — сказал Витя. — Она всё помнит.

— У тебя баба Нюра не родная, — сказала Ксюша.

— Родная, — сказал Витя. — Она мне двоюродная.

— Не бывает двоюродных бабушек.

— Бывает.

— Не бывает.

— Тихо, — сказала Соня. — Ксюша, у тебя бабушка кто?

— Сизова Анна Максимовна. Она в интернате работала.

— Хорошо. Витя, а баба Нюра тебе кто?

Витя задумался крепко, как будто решал задачу.

— Она мне никто, — сказал он наконец. — Она просто Нюра Петровна. Она всем нам как бабушка.

Соня записала и это, и потом, вечером, перечитывая, подумала, что вот эта строчка — «она всем нам как бабушка» — и есть то, из-за чего она осталась в Ожогине, хотя могла бы уже в сентябре написать заявление и уехать.

Сельсовет в Ожогине был одна комната в том же здании, что и клуб, и в комнате сидела Наталья Викторовна Рогова, тридцати шести лет, специалист, у которой было двадцать восемь дворов, кладбище, водонапорная башня и восемь папок.

Соня пришла к ней во вторник, двадцатого, и сказала:

— Наталья Викторовна, мне для летописи нужны сведения по участку Гаврилова.

— Какого Гаврилова?

— Устина Савельевича. Кузнеца.

Наталья Викторовна посмотрела на неё и ничего не сказала. Потом открыла ящик, потом закрыла.

— А зачем вам?

— Летопись. Я хочу написать, когда построен дом.

— Я не знаю, когда построен.

— А что вы знаете?

Наталья Викторовна вздохнула так, как вздыхают люди, у которых восемь папок и одна зарплата.

— Я знаю, что участок числится в пользовании, — сказала она. — Не в собственности. Пользование — это когда дом есть, а документов нет. Таких у нас шестнадцать.

— А кто пользователь?

— Гаврилов Устин Савельевич.

— Он двенадцать лет как уехал.

— В документах он, — сказала Наталья Викторовна. — Пока суд не скажет иначе, он.

— А налог кто платит?

Наталья Викторовна помолчала, и Соня увидела, что этот вопрос ей неприятен.

— Налог платит Гаврилов Николай Сергеевич, — сказала она. — Племянник. Он приходит в сентябре, платит и просит квитанцию.

— Каждый год?

— Каждый год, — сказала Наталья Викторовна. — Я тут с двадцатого года, и все шесть лет он приходит в сентябре. Раньше не знаю.

— А на каком основании он платит за чужой участок?

— На основании того, что больше никто не платит, — сказала Наталья Викторовна. — Если не платить, участок пойдёт на торги. Я вам так скажу: он его сохраняет.

— Или он его держит, — сказала Соня.

Наталья Викторовна посмотрела на неё долго, а потом сказала то, что Соня потом вспоминала много раз:

— Вы бы поменьше спрашивали, Софья Дмитриевна. Тут двадцать восемь дворов, и все друг другу кто-то.

— И что?

— И то, что вы тут работаете третий месяц, а вам тут жить.

Домой Соня шла не по улице, а по берегу — по тропинке вдоль Ожоги, потому что там было быстрее и потому что не хотелось здороваться.

Вода в Ожоге в октябре стояла низко, и на песке были видны старые сваи — говорят, до войны тут была мельница, и мельницу сожгли, и остались только сваи, и их каждую весну вымывало, и каждую весну они снова уходили в песок.

Соня села на корточки и посмотрела на воду.

Двенадцать лет назад кузнец стоял на этой речке и набирал в сапог воду. Так говорила баба Нюра. И баба Нюра сказала «я его в двенадцатом году видела», а потом, через десять минут, сказала «он в нашем краю помер». Баба Нюра путает годы. Все в деревне говорят, что она путает годы.

Но у бабы Нюры в тот первый день не было ни секунды сомнения.

Соня достала телефон и позвонила Дмитрию.

— Привет, — сказал он. — Ты чего?

— Дима, — сказала она. — Тут у нас человека нашли. В доме. Кузнеца. Он двенадцать лет лежал.

— Ого, — сказал Дмитрий. — В смысле, в доме?

— В кузне. Стена обрушилась.

— Жуть, — сказал Дмитрий. — А ты как вообще?

— Нормально, — сказала Соня. — Дима, ты приедешь?

На том конце была пауза.

— Сонь, я не знаю, — сказал он. — У нас сейчас проект. Я не могу на два дня уехать, это четыре часа в одну сторону.

— Четыре часа.

— Ну да.

— Я тут четыре часа живу, — сказала Соня. — Я в августе четыре часа ехала, а потом два месяца.

— Сонь.

— Ладно, — сказала она. — Ладно.

Она положила трубку и ещё посидела на корточках, и вода шла, и сваи стояли, и на том берегу кто-то пас корову — одна корова, рыжая, она стояла по колено в воде и не пила, а просто стояла.

Когда Соня вернулась, у её калитки стояла Ксюша с тетрадкой.

— Софья Дмитриевна, — сказала она. — Я спросила у бабушки. Она сказала: кузнец не уезжал. Она сказала, у него в городе не было дочери.

— Как это не было?

— Она говорит: у него дочь была, но она в городе не жила, она куда-то уехала, и он про неё не говорил. А бабушка говорит, что когда Устин пропал, она думала, что его проводят.

— Проводят? — переспросила Соня.

— В тюрьму, — сказала Ксюша шёпотом. — Бабушка говорит: все так думали. Что его посадили.

— Проводили, — сказала Соня. — Ксюша, а ты уверена, что бабушка так сказала?

— Она сказала: «Уж не посадили ли его». Это когда я спросила.

— А почему она так подумала?

— Потому что он в четырнадцатом году с кем-то поругался, — сказала Ксюша. — Сильно. Бабушка не помнит, с кем. Она говорит: «Он тогда ходил чёрный».

Ксюша ушла, а Соня стояла у калитки с ключом в руке и не могла попасть в замок, потому что руки были не свои.

Вечером она позвонила Раисе Петровне.

— Раиса Петровна, а вы знали кузнеца?

— Устина-то? — сказала директор. — Конечно. Он мне в восемьдесят девятом печку в школе перекладывал. Хорошая печка была, я ей двадцать лет топила.

— А что с ним случилось, вы знаете?

— Уехал, — сказала Раиса Петровна и добавила, помолчав: — Так говорили.

— А вы сами что думали?

В трубке было слышно, как директор перекладывает бумаги.

— Софья, — сказала она. — Я тут с семьдесят девятого года. Я видела, как у нас закрыли ферму, как разобрали мастерские, как уехали сорок человек. Когда в деревне человек исчезает, у него всегда есть причина уехать. Всегда. Это же не город, тут нельзя исчезнуть незаметно — тут же все видят. Значит, если исчез, то уехал.

— А если его убили?

Директор помолчала так долго, что Соня подумала, что связь пропала.

— Если бы его убили, — сказала она наконец, — то кто-то бы это видел. А кто видел, тот сказал бы. Потому что у нас не принято молчать. У нас принято говорить.

Соня положила трубку и подумала: вот и нет.

В четверг приехала Бортник. Она пришла в школу, прямо на перемену, и дети замолчали так, как молчат только при человеке с полномочиями.

— Мне нужно поговорить с теми, кто видел дом утром четырнадцатого, — сказала она Соне в коридоре.

— Витя Маслов был первый, — сказала Соня. — Он в шесть встаёт, скотину кормит.

— Сколько ему?

— Двенадцать.

Бортник кивнула и записала. Потом посмотрела на Соню.

— Вы ему сказали про кирпич?

— Я никому ничего не говорила, — сказала Соня. — Витька сам пришёл и сказал, что дверь была открыта и что кирпич лежал внутри.

Бортник подняла глаза.

— Внутри?

— Он так сказал.

— Юлия Андреевна, — сказала Соня, — а разве это не важно? Стена упала наружу, а кирпич был внутри.

— Это важно, — сказала Бортник. — И вы правильно, что сказали. Только я вас попрошу: не рассказывайте об этом в деревне.

— Почему?

— Потому что тот, кто это сделал, пока считает, что всё хорошо. Если он поймёт, что мы смотрим на кирпич, он начнёт объяснять.

Она ушла. Соня стояла в коридоре, и мимо неё прошёл Саша Гусев с листом в руке.

— Саша, — сказала она. — Ты что?

Саша протянул лист.

На листе был дом с одной стеной. Одна стена — кирпичная, остальные три — доски, и Соня впервые поняла, что в этом доме правда была только одна стена и что весь дом стоял на ней.

Двадцать второго, в субботу, Соня пошла к Николаю.

Он жил не в Ожогине. Он жил в райцентре, в пятиэтажке за рынком, но в субботу всегда приезжал «по хозяйству» — так все говорили, и все знали, что в субботу к дому Гаврилова можно подойти и застать хозяина.

Она пришла в одиннадцать. «Патриот» стоял у ворот, задняя дверь была открыта, и в салоне лежали мешки с цементом — три мешка.

Николай был в кузне. Он стоял у верстака и откручивал что-то от тисков.

— Здравствуйте, — сказала Соня. — Я Тюрина, учительница. Я летопись пишу.

— Знаю, — сказал он, не поворачиваясь. — Вы у нас теперь главная по вопросам.

— Я не по вопросам.

— Ну да.

Он повернулся, вытер руки о тряпку и протянул ей руку, и рука была в мазуте, и он это увидел и не стал протягивать дальше.

— Николай Сергеевич.

— Я знаю, — сказала Соня.

— Ну конечно, — сказал он. — Про меня тут всё знают. Я тут единственный, кто приезжает.

— Я хотела спросить про дом. Для летописи.

— Про дом, — сказал Николай. — Что про дом?

— Когда он построен.

— Не знаю. Дед строил. Он в семьдесят девятом помер.

— А что тут было до кузницы?

— Кузница и была, — сказал Николай. — Дед кузнец, дядя кузнец, я не кузнец. Меня не взяли.

— Не взяли?

— Дядя говорил: у тебя руки не те. — Николай усмехнулся. — У меня руки нормальные. У меня просто терпения нет, а он это называл руки.

Он говорил легко, и это было неприятно, потому что легко он говорил о человеке, который четыре дня как лежал в морге.

— Николай Сергеевич, — сказала Соня. — А вы не думаете, что его убили?

Николай перестал улыбаться. Не резко — он как будто выключил улыбку, как выключают свет в комнате, из которой уходят.

— Я думаю, — сказал он. — Я об этом только и думаю с четырнадцатого числа.

— И что?

— И то, что мне теперь всю жизнь будут это говорить, — сказал он. — Потому что я тут был. Потому что я ключ имею. Потому что я у него мотоцикл купил.

— Мотоцикл?

— «Урал», — сказал Николай. — Он его в двенадцатом продал. Мне. За тридцать тысяч.

— Зачем кузнецу мотоцикл?

— Не ему. Мне. Он мне продал, потому что я просил.

Соня помолчала. В кузне пахло ржавчиной и мышами, и на полу был след от мебели — прямоугольник чистой земли, — как будто отсюда недавно что-то вынесли.

— А сейчас вы тут что делаете?

— Цемент привёз, — сказал Николай. — Надо стену заложить. Не оставлять же так.

— Какую стену?

— Ту, которая упала.

— А дом чей? — спросила Соня.

Николай посмотрел на неё и ничего не ответил.

— В документах он числится за Устином Савельевичем, — сказала Соня. — Мне Наталья Викторовна сказала.

— В документах много чего, — сказал Николай. — В документах он уехал. А двенадцать лет я тут траву кошу и налог плачу. Вот мои документы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.